

Althessa Oldoak

Перешагнуть
горизонт

Althessa Oldoak

Перешагнуть горизонт

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Oldoak A.

Перешагнуть горизонт / А. Oldoak — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Что общего может быть у молодого перспективного адвоката и дочери бизнесмена, привыкшей получать от жизни все и без усилий? Верно, пылкая страсть. Но страсть со временем преобразуется в монотонные будни брака, от которых мужчина прячется в работу, а женщина пускается во все тяжкие. Скажете, банальная история, коих немало? Все было бы так, если бы в их судьбы не вмешалась смерть. Эта история о том, что произошло после, о переосмыслении жизни, новой любви, недостижимой и поэтому безумно притягательной, преодолевающей препятствия, которые кажутся неодолимыми, жертвенной и немного сумасшедшей. И о том, что судьба дает нам прошлое для того, чтобы мы больше ценили будущее.

© Oldoak A.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1. Зачем я здесь?	6
2. За что?	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Althessa Oldoak

Перешагнуть горизонт

Хочу выразить свою искреннюю благодарность Марине Шарандо за сотрудничество в создании этого произведения и глубочайшую признательность за дружескую поддержку, терпение и кропотливый труд корректора. Без неё «Перешагнуть горизонт» не был бы написан. Так же благодарю Натю Заяц за ее метафорические забавные фразы, вдохновившие меня на создание образа подруги главной героини.

1. Зачем я здесь?

Каждый мой день ничем не отличается от предыдущего. Он начинается с того, что я встречаю восход солнца, сидя на крыше. Вглядываясь в горизонт, я различаю только робкие блики, обесцвечивающие черный плащ ночи. Он становится серым. Дыры-звезды блекнут, луна утрачивает блеск и бессильно сползает с небосклона. Но как только первый луч солнца прорывается сквозь ослабевшую оборону ночных стражей, мир становится другим – ярким, насыщенным красками. Изменяются не только цвета. Вместо стрекотания насекомых, шорохов вышедших на охоту котов и лая дворовых псов все вокруг заполняется какофонией звуков.

Каждый раз вместе с первыми лучами во мне вспыхивает дерзкое желание ринуться туда, откуда восходит светило, переступить грань, разделяющую нас. Мне кажется, что если я сделаю это, то получу нечто крайне необходимое – то, без чего не могу ...

Начинается день. Я покидаю свой ночной пост, скрываюсь в полумраке задернутых штор и тишине пустых помещений. Все, что творится за пределами этих стен, меня не касается.

В моем распоряжении шесть комнат на двух этажах небольшого дома на окраине обычного городка. Гостиная, кухня (она же столовая), комната, в которой стоят два шкафа с книгами, рабочий стол и камин (ее я именую библиотекой), на втором этаже – три спальни. Еще есть две ванных комнаты, два туалета, чердак и чулан.

* * *

(Воспоминания)

Мы сняли этот дом сразу же после свадьбы. Почему сняли? По нескольким причинам. Во-первых, потому, что денег у меня не хватило даже на первый взнос для покупки, а я был слишком горд, чтобы просить помощи у родителей, с которыми к тому же повздорил, решившись на брак. Когда я, едва окончив университет, сказал им, что женюсь на Тане, мама заплакала, а папа отрезал: «Что общего у тебя с этой пустышкой? Сможешь ли ты прожить с ней всю жизнь, не разочаровавшись?» Я развернулся и ушел, не ответив на его вопросы. Я не знал ответов. Мной двигало упрямство, желание самоутвердиться и бурлящие гормоны. Во-вторых, я не планировал задерживаться надолго в этом маленьком городке, где для меня почти не было работы. Жители оказались на удивление доброжелательны и не хотели затевать тяжбы друг с другом, разводов было мало, желающих делить имущество и того меньше. В общем, работы для представителя адвокатской конторы, кстати, довольно известной в Сиэтле, практически никакой.

Будучи дочерью далеко не бедного бизнесмена из России, родившейся и выросшей в Сиэтле, Таня привыкла жить жизнью, насыщенной событиями и переполненной положительными эмоциями. Пока я грыз гранит науки в университете, она, получив по окончании колледжа диплом по сравнительной литературе, искала себя (как она любила выражаться). Несколько критических статей, опубликованных ею, были написаны невпопад. Произведения, которые Таня признала бездарными, оказались бестселлерами. Она злилась, обзывала авторов серыми посредственностями, купившими читателей красивыми обложками. Впоследствии она написала отзыв на спектакль «Ромео и Джульетта». Мы ходили смотреть постановку вместе. Это было современное, довольно необычное прочтение пьесы молодым режиссёром. Я не пришел в дикий восторг, но, судя по наполненности зала и возгласам восхищения, зрителям спектакль понравился. К сожалению, Таня посчитала мое мнение единственно верным, хотя я и

не настаивал на этом, и даже высказывал сомнения в своей компетентности в этом вопросе. В результате статья, написанная ею, была разгромлена маститым театральным критиком Дареном Мак Грегом, который обозвал ее старой девой, не способной ощутить полет первой любви. После этого случая Таня прекратила писать рецензии и впала в глубокую депрессию. За два месяца из веселой, спортивного телосложения ослепительной блондинки она превратилась в постоянно ноющее бесформенное тело с нечёсаными волосами. Как-то в момент слабости мне захотелось прервать наши отношения, и я даже произнес: «Возможно, нам нужно какое-то время побыть врозь, разобраться с чувствами». Вслед за моим предложением из глаз Тани излился град слез, перемежавшихся упреками в мой адрес, что я ее никогда не любил, а только использовал ее тело, что никогда не ценил ее красоты, умений и талантов, что выразил свое неудовольствие спектаклем только для того, чтобы она написала отрицательную рецензию. И я сдался, чувствуя себя в некоторой степени виноватым в ее провале и последовавшей за этим депрессии. Мы договорились дать нам еще один шанс. Ну зачем я это сделал?

По настоянию своих родителей она начала посещать психотерапевта, а затем и тренажерный зал. Вскоре сеансы и занятия дали положительный эффект. Моя девушка снова стала прелестной куколкой, один взгляд на которую радовал глаз. Она прекратила попытки самоутвердиться на поприще литературного критика и начала больше времени уделять уходу за собой. Спа, салоны красоты, шопинг длительностью в рабочий день стали привычными для нее занятиями в тот период. В них она нашла себя. Наши отношения вернулись на прежний уровень. По вечерам мы приятно проводили время вместе, ходили в театры и кино, обедали и ужинали в лучших ресторанах, посещали клубы, студенческие вечеринки. Мои друзья и просто парни, которые учились вместе со мной, не раз говорили, что мне повезло отхватить такую красотку. И я поверил в это.

Получив диплом магистра по гражданскому, предпринимательскому и семейному праву и вступив в Коллегию адвокатов штата Вашингтон, я был счастлив принять предложение юридической фирмы Вильяма Т. Робинсона занять место младшего, и единственного, специалиста в отделении Реймонда. Я жаждал самостоятельности, поэтому сделал выбор, не раздумывая, даже несмотря на довольно скудное жалование и предложенный мне мизерный процент от сумм, заработанных для компании.

В тот же день, купив золотое кольцо с бриллиантом в два карата, я направился делать предложение руки и сердца девушке, с которой встречался больше трех лет. Как дипломированный адвокат, я не полагался на случай, а подготовил речь, в которой полностью изложил все, чего сумел добиться и что планировал реализовать для нашей совместной счастливой жизни, и, конечно же, не забыл упомянуть, насколько глубоко мое чувство по отношению к ней. Моя пламенная речь наверняка растопила бы холодные сердца двенадцати присяжных, но Таня попросила три дня на размышление. Время прошло, и она согласилась. Только через полмесяца после чрезвычайно скорой свадьбы я узнал, что спустя два дня после моего предложения ее отец был признан банкротом. Я не придавал этому факту особого значения в тот момент – мы возвратились из медового месяца и были счастливы.

Мы приехали в Реймонд и вселились в дом, заранее арендованный мной. Я приступил к работе в адвокатском офисе, а Таня взялась придавать дому, как она говорила, «живой» вид. Каждый день у нас появлялись новые шторы, покрывала, подушки всех видов, скатерти всевозможных расцветок, бра, торшеры, люстры, статуэтки из фарфора и слоновой кости разных размеров, стулья, кресла, диваны, происходило окрашивание и перекрашивание стен, окон, дверей... Она занималась всем этим, как одержимая, и к тому же продолжала жить привычной для нее жизнью, посещая салоны и модные бутики. Тех денег, которыми я располагал, не хватало на творческие порывы супруги и ее траты на себя. Мои накопления таяли, как снег необычно теплой весной. Наступил момент, когда они оказались близки к нулю. Воспитание не позволяло мне тратить больше, чем я зарабатывал, и я решил серьезно поговорить

с Таней, попытаться умерить ее финансовый аппетит. Разговор был долгим и тяжелым, но в результате мне все-таки удалось убедить жену, и она дала обещание уменьшить траты, покупать только самое необходимое и советоваться со мной перед совершением дорогостоящих покупок. Она сдержала обещание, в доме перестали появляться новые вещи в немыслимом количестве. Жизнь вернулась в спокойное русло.

Утром, перед тем как отправиться на работу, я приносил жене в постель кофе и круасаны, а по дороге домой заезжал в ресторан и забирал приготовленный по моему заказу ужин. Мы ели при свечах, сидя по разные стороны небольшого стола, который был сервирован фарфором и серебром, подаренными её родителями. Таня говорила, что это очень романтично, и мне было приятно доставить ей удовольствие. А когда я, убрав со стола, приходил в нашу спальню, то узнавал, что у нее болит голова, она устала или у нее критические дни. Но чаще Таня делала вид, что спит, и игнорировала мои ласки.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять причину страданий жены. Ей было тоскливо без привычного образа жизни и любимых занятий. После Сиэтла, где жизнь бурлила во всем своем многообразии проявлений, провинциальный городок мог казаться если не тюрьмой, то уж точно монастырем.

Желание вырвать её из серого болота однообразных будней и мои амбиции подстегивали меня к деятельности. Чтобы доказать свою значимость для компании и добиться повышения, я с невероятным рвением принялся углублять свои знания в юриспруденции, взялся за написание научной работы «Социальная функция гражданско-правового регулирования отношений собственности».

Таня очень тяжело переживала вынужденную бездеятельность. Она скучала, не находя приложения своим талантам. Погрузившись в изучение материалов и подготовку монографии, я отдалился от нее.

Наверное, именно это стало толчком, надломившим наши с Таней отношения. А может быть, трещина появилась раньше, когда мы только переехали в Реймонд. Не уверен. До сих пор я так и не сумел разгадать эту шараду.

Однажды вечером она возвратилась домой позже меня и сообщила, что была у психоаналитика. Её настроение явно улучшилось. Даже мой хмурый вид, остывший ужин и потушенные свечи не расстроили ее. Она весело болтала целый вечер, рассказывала, что поняла, чего ей не хватало все время, делилась планами стать писателем, щебетала, что я должен быть ее музой, склоняясь ко мне и будто невзначай касаясь моего уха горячими влажными губами. Я был рад такому преображению, и даже отложил свою работу, чтобы разделить с ней постель. Таня была раскрепощена и бесшабашна, как никогда. Она вела, задавала тон, требовала от меня полной самоотдачи, а я был счастлив быть ведомым и исполнять ее желания. Это был самый лучший секс в нашей недолгой супружеской жизни!

На следующий день она сообщила, что записалась на еженедельные консультации к психоаналитику. Результат меня устраивал, и я не стал возражать, даже несмотря на немалую оплату услуг специалиста и выписанных им лекарств, которые не покрывались страховкой.

В течение месяца моя жена буквально летала на крыльях. По вечерам она, если не стучала лакированными ноготками по клавиатуре ноутбука, работая над своей книгой, то находилась рядом со мной, обсуждая характеры и поступки выдуманных ею героев. А я, ответственно выполняя обязанности музы, кивал головой и предлагал ей варианты эпитетов и метафор, хотя мысли мои были заняты выявлением противоречий в регулирующих отношения собственности нормативно-правовых документах штата Вашингтон. Я был ослеплен счастьем.

Я был слеп и тогда, когда крайне возбужденная Таня, примчавшись ко мне в офис, прервала мою беседу с редким клиентом, сообщив, что потеряла свои таблетки, и попросила денег, чтобы купить взамен. Конечно же, я не отказал ей.

Через четыре часа мне позвонил шериф с известием, что моя жена мертва, а на полу возле ее трупa найдены две пустых упаковки от транквилизатора и недопитая бутылка виски.

* * *

А теперь, перемещаясь из комнаты в комнату, я коротаю каждый день, силясь осознать, зачем я здесь.

2. За что?

Войдя в кухню, как и много раз до этого, я натыкаюсь на календарь, где отмечено тринадцатое февраля две тысячи тринадцатого года. Не знаю, сколько прошло времени с того дня, как перед уходом на работу я последний раз передвинул рамку на эту дату. Я сделал это неосознанно, по привычке, выработанной за два года и ровно два месяца до того дня. Но сейчас время уже не имеет значения. Его невозможно отмотать назад, как старинную киноленту. Невозможно исправить все то, что я упустил. Поэтому все равно.

Я отвожу взгляд от злобно ухмыляющейся цифры тринадцать и поднимаюсь вверх, чтобы еще раз проверить, не привиделось ли мне всё. Войдя в спальню, где мы провели много часов вместе, я вижу кровать, аккуратно застеленную синим покрывалом. Такого же цвета шторы скрывают большое окно и создают в комнате полумрак. Ореховый комод, небольшой стол с зеркалом и рядом с ним мягкий стул с высокой спинкой, кресло-качалка в дальнем углу – все предметы знакомы до боли, но нигде не видно ничего, что бы напомнило мне о присутствии Тани. Я заглядываю в её шкаф. В нем пусто. Дверь в ванную приоткрыта. Я осматриваю и эту комнату. Тоже пусто. Никаких следов – ни красного махрового халата, который всегда висел на вешалке у двери, ни разбросанных где попало полотенец.

* * *

(Воспоминания)

Когда я, бурча, собирал их, чтобы положить в стиральную машину, она заливисто смеялась и говорила, что живет в другом мире, со своими персонажами, и ей недосуг отвлекаться.

Мы были счастливы, пока не прозвенел телефонный звонок из офиса шерифа.

Слова «Вам немедленно нужно приехать домой. Ваша жена умерла» прозвучали из трубки, как розыгрыш. Не поверив в реальность сказанного, я возмутился:

– Что за глупые шутки? – и хотел отключить связь, но был остановлен серьезным голосом стража закона.

– Мистер Джефферсон, я не шучу. Похоже, она приняла слишком большую дозу антидепрессантов, запив изрядной порцией алкоголя. Вы не замечали за ней слабости к спиртному?

– Нет, не замечал, – ответил я автоматически, начиная осознавать, что моей Тани больше нет, и что именно я стал причиной ее смерти.

– Мне нужно побеседовать с вами.

С трудом шевеля языком из-за неожиданно образовавшегося в голове тумана, я пообещал:

– Хорошо. Буду через десять минут.

Боясь поверить в услышанное, я встал из-за стола, надел пальто, шарф и шляпу, вынул из кармана ключ от машины и направился на стоянку, где был припаркован мой, купленный из вторых рук, Вольво. Проехав два перекрестка на желтый сигнал светофора, я подъехал к дому. На дорожке стояла машина скорой помощи, а рядом с ней – «Ленд Крузер» шерифа. Места для моего авто не осталось, и я припарковался по другую сторону проезжей части.

Из открытого окна нашей спальни доносились громкие голоса трех мужчин и одной женщины. До меня долетел обрывок фразы, произнесенный визгливым сопрано дамы, проживавшей по соседству:

– ... она голая высунулась из этого окна и бросила в меня пустую бутылку! А я всего лишь шла мимо дома по тротуару.

Моя кровь мгновенно закипела. «Как она смеет говорить такое о моей жене?» – возмущенно думал я, перебегая дорогу. Желая быстрее увидеть Таню и в глубине души надеясь, что она не мертва, а мертвецки пьяна и спит, а затем добраться до этой женщины, я смотрел только на окно, откуда доносились голоса.

Боль настигла меня, когда половина пути через дорогу была уже преодолена. Охватив все тело, она на мгновение затмила мои мысли. В тот же миг я почувствовал, что отрываюсь от земли и лечу не по своей воле вдоль дороги, удаляясь от дома. Это был невероятно затяжной полет, но в какой-то момент мне удалось изменить траекторию своего движения. Тогда же боль покинула меня. Я чрезвычайно быстро преодолел расстояние от дороги до дома, чувствуя небывалую легкость во всем теле, и вместо того, чтобы врываться в дверь и взбегать по ступенькам, рванул вверх и влетел в открытое окно второго этажа. Чудом избежав столкновения с толстой теткой, я приземлился на пол. В это время все находившиеся в комнате, затаив дыхание, прильнули к окнам.

Первым подал голос шериф:

– Чёрт, – раздосадованно пробормотал он, – что за проклятый день сегодня? – и выскочил из спальни, даже не обратив на меня внимания.

Подошвы полицейских ботинок застучали по деревянным ступенькам.

– Пойдем быстрее, – сказал один из медиков другому. – Возможно, ему мы еще успеем помочь.

Второй ответил:

– Эта может и подождать. Пойдем.

И они отправились вслед за шерифом прочь из дома.

Я наклонился к Тане, лежавшей навзничь рядом с нашей кроватью. Ее лицо стало бело-снежным, без какого бы то ни было намека на нежный румянец, всегда украшавший щеки моей жены. Глаза утратили свой блеск и живость, дыхание не срывалось с ее посиневших губ.

– Таня, Таня, Таня... – безумно шептал я, глядя на неподвижное тело, боясь дотронуться до него, ощутить холод смерти. В тот момент я прочувствовал всю глубину словосочетания «боль утраты».

– Это моя вина! – стонал я, в отчаянии дергая себя за волосы. Бесконечно презирая, я винил себя и только себя в этой нелепой смерти: – Если бы я не дал ей денег на лекарства, она была бы жива! И теперь я уже не могу ничего исправить.

В это время соседка, оставшаяся в комнате, не обращая на меня никакого внимания, вначале выглянула в окно, а затем, подойдя к туалетному столику, принялась выдвигать ящики и рыться в них, время от времени недовольно фыркая:

– Ничего стоящего. Нищета.

Ее толстые губы скривились в презрительной гримасе, а короткие пальцы проворно выхватывали то одно, то другое из множества милых мелочей, принадлежавших Тане.

Наконец в руки женщины попала шкатулка, в которой моя жена хранила свои драгоценности. Глаза толстухи загорелись, она щелкнула языком:

– Ну что ж, посмотрим, чем ты расплатишься со мной за брошенную бутылку.

Обратив внимание, как бесцеремонно ведет себя соседка, я неожиданно отвлекся от своего горя. Бешенство сорвало меня с места и в один прыжок поставило рядом с ней. Эта бесстыжая нахалка, продолжая полностью игнорировать моё присутствие, вынула из шкатулки серьги с двумя крупными изумрудами в витой оправе и принялась прикладывать их к ушам, вертя головой с жидкими волосами перед зеркалом.

– Хороши? – спрашивала она и сама же отвечала: – Прекрасны! Идеально подходят к цвету моих глаз! Пожалуй, я их возьму. Этой фифе они уже все равно не пригодятся. Да, и

вот этот перстенок... – ее рука потянулась за кольцом из белого золота, украшенным тремя сапфирами.

Моя злость разрослась до размеров комнаты, и я с размаху хлопнул рукой по крышке шкапулки, отчего та закрылась, придавив пальцы воровки. Она завизжала и отпрыгнула назад, роняя украшения. Ее ноги коснулись пола в полушаге от тела моей жены. Тучная женщина, теряя равновесие, попятилась, споткнулась о Танино тело и навзничь рухнула на пол. Раздался грохот. Но, даже очень сильно ударившись спиной и головой, она вскочила и с дикими воплями вылетела вон из дома.

Я выглянул в окно. Соседка, несмотря на излишний вес, мчалась по дорожке, извергая ругательства, перемежая их истеричными криками, и как полоумная отмахивалась руками от роя невидимых пчёл. Шериф подбежал к ней, попытался остановить, но ему это не удалось. С таким же успехом он мог останавливать ледокол.

– Что случилось? – обеспокоенно прокричал он ей вслед.

– Там злобный призрак! Он меня чуть не убил! Вызывайте охотников за привидениями!

Шериф остановился и хотел что-то сказать, даже протянул руку и набрал воздуха для окрика, но из открытого рта вырвалось лишь бессмысленное:

– Э-э-а-а.

Он постоял, глядя вслед бьющей спринтерский рекорд женщине, почесал затылок, покачал головой, произнес:

– Нда-а-а, – и вернулся к молодому мексиканцу, скукожившемуся на пассажирском сиденье «Ленд Крузера».

Тот поднял голову. В его темно-карих глазах дрожали слёзы, пересохшие губы побелели, он крепко сжимал трясущиеся руки.

– Шериф, я не знаю, как это произошло. Он появился... будто из воздуха, – парень, заикаясь, проглатывал слоги. – Я затормозил, как только его заметил, но это было слишком поздно. Мне так жаль...

– Алонсо, сейчас прибудет мой помощник. Ты поедешь с ним в участок и дашь показания. Машину заберет эвакуатор после того, как мы сделаем все необходимые замеры. До окончания следствия она является вещественным доказательством.

– Да, я понимаю, – кивал головой перепуганный водитель, шмыгал носом и вытирал рукавом куртки покрасневшие глаза.

Пострадавшего в аварии я нигде не заметил, так же как и машину скорой помощи, поэтому решил, что парамедики уехали, забрав его с собой.

Возвратившись к Тане, я сел на пол рядом с ней и предался горю. Я проклинал себя за душевную слепоту, не позволившую мне вовремя заметить, что с ней творится что-то неладное, за эгоизм, который зашорил мои глаза и затмил разум настолько, что я пропустил момент, когда она утратила связь с реальностью. Исследуя тонкие черты, я нежно касался лица своей жены, впитывая ощущения, навечно запечатлевая в памяти милый образ той, что покинула меня, оставила чахнуть на этом свете без надежды на счастье. Я скользил ладонью по волосам цвета спелой пшеницы, волнами раскинувшимся по полу, заглядывал в глаза, безучастно смотревшие мимо меня, и осознавал, что больше никогда никого не смогу полюбить так, как любил её. Кончиками пальцев поглаживал бледную кожу и клялся, что буду помнить её всю жизнь. Я обещал ей, что навсегда буду только ее Ричардом, а она останется моей Таней.

У меня не было слез. Лишь грудную клетку начали сдавливать приступы боли. Чем дальше, тем сильнее. По ним можно было измерять время – шестьдесят ударов в минуту. Вдруг что-то похожее на разряд электрического тока, родившись в районе сердца, взорвало мое тело. Каждая мышца сократилась, превратив меня в вывернутого наизнанку ежа, пронзающего себя своими же иглами. Я хотел закричать, но спазм, сжавший гортань, сделал меня немым. Упав на пол возле Тани, я подтянул колени к груди и обхватил себя руками, пытаюсь укрыться от муки,

но это не спасло. Следующий электрический разряд не только вверг меня в пучину адской боли, но и сокрушил сознание. На краткий миг мне показалось, что я лежу навзничь на какой-то холодной поверхности в ярко освещенной комнате, а вокруг меня суетятся люди в белых медицинских халатах. Один из них с облегчением сообщил окружающим:

– Сердцебиение стабилизировалось.

Но мне не было дела до чужих людей, когда в нашей спальне на полу осталась женщина, которой я обещал быть рядом вечность, и я нашел в себе силы вернуться. С неимоверным усилием открыв глаза, я понял, что, все еще скрючившись, лежу на полу, но Тани рядом со мной уже не было. Как ошпаренный, я вскочил на ноги и, вылетев через открытую дверь, перепрыгивая через ступени, сбежал вниз как раз в тот момент, когда двое плечистых коронеров выносили из дома на носилках большой черный полиэтиленовый пакет.

Я закричал:

– Пойдите!

Но они не обратили на меня внимания.

– Остановитесь! Я её муж! – не унимался я, пытаюсь выскочить вслед за ними, чтобы преградить дорогу.

Они продолжали игнорировать мои вопли. Один говорил другому:

– Знатная красotka. Я бы с ней покувыркался разок – другой.

– Была, некрофил чёртов. Хотя странно, что ты не успел, пока она была живой. Она никому не отказывала. Хе-хе-хе, – хрипло засмеялся второй.

– Это ложь! – возмущенно заорал я во все горло, обходя их, чтобы загородить собой дверной проем микроавтобуса, но они вели себя так, словно меня и не было. – Это не может быть правдой. Мы любили друг друга...

Машина завелась и поехала. Я рванул следом за ней, но, пробежав по дороге мимо трех домов и с каждым шагом теряя силы, почувствовал острую необходимость возвратиться. Остановившись, я следил за удаляющейся машиной, пока та не пропала из виду. Тогда, удрученный, растерянный, абсолютно несчастный, я поплелся домой.

Напротив нашего дома половина проезжей части дороги на двадцать пять метров вдоль тротуара была по периметру ограждена полицейской лентой. Немолодой, но крепкий темноволосяный шериф осматривал вмятину на капоте синего фургона, погнутый бампер и растрескавшееся стекло. Его помощник, молодой голубоглазый блондин, ходил зигзагами по огражденной территории и пристально рассматривал асфальт. Он поднял взгляд и повернулся:

– Шеф, здесь телефон. Он разбит, но все же... Думаю, мы сможем идентифицировать номер. Возможно, этот человек разговаривал в то время, как перебежал дорогу, и не заметил приближающийся фургон. Мы должны проверить.

Шериф подошел, поднял с тротуара небольшой предмет и внимательно взгляделся в него.

– Может быть... Мы, конечно, должны проверить и эту версию, но мне кажется, что он был очень расстроен, поэтому утратил бдительность. Ник, упакуй вещдок и продолжай осмотр, – приказал шеф и возвратился к прежнему занятию.

В этот момент я оказался совсем рядом с помощником шерифа и совершенно случайно посмотрел на мобильный телефон, который тот засовывал в полиэтиленовый пакет. Это был мой терминал. Я узнал бы его из миллиона. Кожаный чехол угольно-черного цвета, по краю окаймленный позолотой, купила для меня Таня. Тогда она сказала, что мне необходимо продемонстрировать свой высокий статус даже в таком захудалом городишке. Вначале я решил подойти к полицейскому и сказать, что это моя вещь, а не какого-то человека, сбитого автомобилем, и я ее обронил, когда перебежал дорогу, но потом заметил, что дисплей разбит вдребезги, и решил оставить идею получить свой телефон обратно. Вместо этого мои мысли полностью переключились на телефонный звонок, который мне предстояло совершить. Я должен был сообщить родителям Тани, что она умерла, но не представлял, как это сделать. Моё ораторское мастер-

ство, которым я немало гордился, покинуло меня, и всё, что смогло родиться в моей голове – это две банальных фразы: «Сегодня ваша дочь умерла от передозировки транквилизаторов. В ее смерти виноват я, потому что дал ей деньги на это лекарство». После того, как я произнесу эти слова, своей смерти мне оставалось ждать совсем недолго. Не дольше, чем потребуется ее отцу на дорогу от Сиэтла до Реймонда. Но меня это ничуть не страшило. Жизнь без Тани для меня в тот момент утратила всякий смысл. Собрав волю в кулак, я направился к дому, чтобы сделать несчастными еще двоих людей.

Ближайший телефон стоял в холле, на круглом столике на высоких ножках, где мог поместиться только он. Решительным шагом я подошел к нему и схватил трубку, но она выскользнула из моей ладони, точнее, мои пальцы прошли сквозь трубку, будто это голографическая проекция.

– Не может быть! – опешил я. – Еще сегодня утром, собираясь на работу, я задел этот телефон рукой, и он был вполне материальным, – снова попробовал снять трубку и опять неудачно. – Да что это за чертовщина?!

Сделав несколько шагов, я возвратился к двери, чтобы закрыть ее, а затем пойти в библиотеку, сесть за стол и обдумать все, что произошло и происходит сегодня. Ручка двери оказалась таким же оптическим обманом, как и телефонная трубка. Дверь закрыться не пожелала. Это выходило за рамки разумного. Я подошел к ближайшему стулу и попытался взять его за верхнюю часть спинки, но и это сделать не удалось. Моя рука прошла сквозь дерево, никак на него не воздействуя. Мне стало страшно. В моей голове зародилась ужасающая в своей правдоподобности догадка: «Что, если не предметы вокруг меня перестали быть материальными, а я?»

Внутренне содрогаясь, я побежал к библиотеке и нерешительно остановился перед закрытой дверью, но, памятуя о недавнем опыте со спинкой стула, закрыл глаза и шагнул вперед. Я ничего не почувствовал, а когда открыл глаза, то увидел знакомый интерьер: письменный стол, настольную лампу, книги, стоящие ровными рядами на полках за стеклом.

Я осел на пол и схватился за голову.

– Бог мой! За что?! – взывал я к нему, и это не звучало кощунством. – Что в своей жизни я совершил настолько чудовищного, чтобы стать таким?! Почему ты разлучил нас?! Разве мы не достойны быть вместе вечно?! За что?!

Я долго стонал и выл, страдая уже не от того, что лишился тела. Его утрата очень быстро перестала казаться мне чем-то ужасным. Терзаясь несправедливостью наказания, я мучил себя догадками, почему любовь, которая вела меня по жизни, была сброшена со счетов после смерти?

Звук открывающейся двери вывел меня из перманентного состояния отчаяния, в которое я к тому времени впал. В дверном проеме показалась голова шерифа. Он перешагнул порог, огляделся и, пробурчав нечто одобрителное, прошел вдоль шкафов с книгами, приостанавливаясь, чтобы прочесть названия на некоторых корешках, остановился у стола, где лежали три открытые книги, с которыми я работал последним вечером. Шериф посмотрел на обложку каждой из них, покачал головой.

– Неглупый парень. Жаль, что так произошло.

– Расскажи, что со мной произошло? – попросил я, но он, конечно же, меня не услышал и вышел из библиотеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.